

Депеши испанского посла как источник по истории политической культуры междоцарствия

М. С. Белоусов

Для цитирования: *Белоусов М. С.* Депеши испанского посла как источник по истории политической культуры междоцарствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 357–374. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.202>

В настоящей статье анализируется комплекс депеш, относящихся к деловой переписке испанского посла Хуана Мигеля Паеса де ла Кадена в Санкт-Петербурге. Дается археографическая характеристика исторического источника, вводимого в научный оборот исследования междоцарствия 1825 г. и восстания декабристов. На основе уникальных архивных документов показана специфика бытования столичного информационного поля сразу после смерти императора Александра I. Такой подход к изучению основных сюжетов истории междоцарствия позволяет еще шире взглянуть на особенности идеологии и мировоззрения как самих декабристов, так и высших государственных сановников; а также выделить основные проблемы, волновавшие российское общество. В данном случае ключевое внимание уделяется польскому вопросу. Отдельно отмечается, что рассматриваемый комплекс материалов дает возможность скорректировать утверждения об определяющей роли столичного генерал-губернатора М. А. Милорадовича в организации присяги 27 ноября 1825 г. Анализ же сообщений второй половины декабря — начала января демонстрирует, с одной стороны, масштаб распространения в российских правящих кругах мифологемы о всеевропейском заговоре тайных обществ, а с другой — характер ее трансформации в условиях глубокого политического кризиса в Российской империи. Показано, как и какие элементы данной концепции приобретают новое звучание и отражаются в риторике молодого императора и его окружения, прежде всего министра иностранных дел К. В. Нессельроде. Речь идет о такой проблеме, как априорное включение тех или иных лиц в число ключевых организаторов мятежа. В этой роли в обновленном дискурсе выступают поляки и представители титулованной аристократии. Согласно первоначальной интерпретации властей, именно они, опираясь на испанский опыт, предполагали обманом вовлечь в восстание солдат, совершить насильственные действия в отношении царской семьи, посеять анархию и безначалие в Российской империи.

Ключевые слова: декабристы, Паеса де ла Кадена, петербургское восстание, междоцарствие, польский вопрос, всеевропейский заговор.

Михаил Сергеевич Белоусов — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; m.belousov@spbu.ru

Mikhail S. Belousov — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; m.belousov@spbu.ru

Исследование выполнено в рамках гранта № 19-78-00040 «Антропология политического кризиса: кейс междоцарствия 1825 года» Российского научного фонда.

This research was supported by the grant No. 19-78-00040 “Anthropology of the Political Crisis: A Case of the Interregnum of 1825” of the Russian Science Foundation.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

The Dispatches of Spanish Ambassador as a Source of Interregnum's Political Culture

M. S. Belousov

For citation: Belousov M. S. The Dispatches of Spanish Ambassador as a Source of Interregnum's Political Culture. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, iss. 2, pp. 357–374. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.202> (In Russian)

This article analyzes a set of dispatches related to the business correspondence of the Spanish Ambassador, Juan Miguel Paez de la Cadena, in St. Petersburg. The article gives an archaeological description of the historical source of research into the problems of the history of the revolt of 1825. It further shows the peculiarity of the life of the metropolitan information field immediately after the death of Emperor Alexander I. This approach to studying the main plots of the history of the interregnum enables to highlight major problems concerning the Russian society and to pay special attention to the Polish question in this case. An analysis of the messages of the second half of December-early January demonstrates, on the one hand, the prevalence in the Russian ruling circles of the mythologem about the all-European conspiracy of secret societies, and, on the other hand, the nature of its transformation in the midst of a deep political crisis in the Russian Empire. The article shows how this concept and which of its elements acquire a new dimension and are reflected in the rhetoric of the young emperor and his entourage, and above all, K. V. Nesselrode. It is related to the problem of a priori definition of the key organizers of the rebellion. According to the renewed discourse, this role was assigned to the Poles and representatives of the titled aristocracy. It was them who, relying on the Spanish experience, intended to involve soldiers by deceit, commit violent acts against the tsar's family and sow anarchy and disorder.

Keywords: Decembrists, Paez de la Cadena, St. Petersburg uprising, interregnum, Polish question, conspiracy.

Общеизвестно, что 14 декабря — это один из наиболее изученных (конечно же, после 7 ноября) дней отечественной истории. Основной компендиум источников уже введен в научный оборот и даже в большинстве случаев опубликован. Выявление новых материалов, связанных с восстанием 1825 г., становится с каждым годом все более сложным делом. Одним из возможных векторов этой деятельности может стать обращение к документам иностранных послов и представителей — свидетелей декабристского мятежа. Так, в 1925–1926 гг. впервые были опубликованы депеши и послания французского посланника О. де Лафферронэ и австрийского представителя Л. Лебцельтерна¹.

С материалами же испанского посланника получилась история довольно странная. Имя Хуана Мигеля Паеса де ла Кадена упоминалось в отечественной историографии считаное количество раз, причем первоначально филологами и ис-

---

¹ Les rapports de l'ambassade d'Autriche à Saint-Petersbourg sur la conjuration des Décabristes // *Le monde slave*. Janvier-avril. 1926. P. 89–124, 293–315, 448–470; Les rapports de l'ambassade de France à Saint-Petersbourg sur la conjuration des Décabristes // *Le monde slave*. Décembre. 1925. P. 447–472. — Отметим, что недавно был издан перевод этих сообщений (*Невелев Г. Декабристский контекст. Документы и описания*. СПб., 2012. С. 65–108; С. 109–228.); материалы О. де Лафферронэ за период, предшествующий восстанию, были опубликованы великим князем Николаем Михайловичем (*Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: опыт исторического исследования: в 2 т. Т. 2*. СПб., 1912. С. 428–538); а ряд интересных замечаний о деятельности О. де Лафферронэ см.: *Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848)*. СПб., 2017.

кустоведами². Это, в общем-то, не случайно, ведь посол, во-первых, был знакомым А. С. Пушкина, а во-вторых, уезжая из России, он продал несколько картин испанских художников, которые в конечном счете оказались в собрании Государственного Эрмитажа. В исторических работах до поры до времени Паес де ла Кадена также упоминался весьма лапидарно: Р. Г. Скрынников пишет о его встрече с А. С. Пушкиным³, а Л. В. Выскочков сообщает, что Паес де ла Кадена присутствовал на коронации Николая I⁴. В некоторых публикациях давались краткие замечания, связанные с обстоятельствами появления посла в России, а затем его вынужденного отъезда.

В 2018 г. появилась коллективная монография «Испания и Россия. Дипломатия и диалог культур...», в которой представлен пятистраничный очерк Е. Э. Юрчик «Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паэс де ла Кадена»⁵. Ценность данного материала в том, что автор предлагает более пространную биографию персонажа и использует уникальный источник — его депеши в Мадрид. Объективности ради следует назвать ряд очевидных недостатков: в заметке отсутствует какая-либо источниковедческая характеристика — после прочтения остаются непонятными структура и особенность этих документов. Также мы не можем найти минимальной внутренней и внешней критики источника, а главное — автор ограничивается кратким пересказом и цитированием ряда наиболее ярких фраз. Сведения, извлеченные из сообщений, не были проанализированы и вписаны в контекст истории междоусобия 1825 г. Кроме всего прочего, вызывает удивление стремление автора, занимающегося изучением истории Испании, транслитерировать испанскую фамилию *Paez* с помощью «э оборотной» и делать это в статье, расположенной по соседству с очерками о влиянии восстания Рафаэля Риго, чью фамилию тот же автор пишет через «е»⁶.

Одним словом, предлагаемой статьей мы попробуем восполнить обозначенный недостаток в изучении депеш Паеса де ла Кадена и показать, что речь идет о ценнейшем источнике по истории идей и идеологий периода междоусобия, с помощью которого появилась исключительная возможность скорректировать ряд сформировавшихся оценок.

Итак, события периода междоусобия и восстания декабристов представлены в депешах № 134–171⁷. Хронологически эти документы относятся к отрезку

---

² Алексеев М. П. Очерк истории русско-испанских литературных отношений // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 150–151; Фернандес-Санчес Х. Испанский знакомый Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 24. СПб., 1991. С. 128–129; Каганэ Л. Л. Кабинет картин Хуана Мигеля Паэса де ла Кадены, испанского посланника в Санкт-Петербурге // Из истории мирового искусства и культуры. СПб., 2003. С. 507.

³ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 229.

⁴ Выскочков Л. В. Будни и праздники Императорского двора. СПб., 2012. С. 22.

⁵ Юрчик Е. Э. Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паэс де ла Кадена // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений = España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / отв. ред. О. В. Волосюк. М., 2018. С. 169–174.

⁶ Юрчик Е. Э. Декабристы и испанская революция 1820 года // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. С. 160–162.

⁷ Дешпи хранятся в Национальном историческом архиве Мадрида (см.: Archivo Histórico Nacional (AHN). Estado. Leg. 5919. Despacho no. 134–171 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.09–1826.01.22)).

времени с 27 ноября 1825 г. по 10 января 1826 г. по юлианскому календарю⁸. В предшествующих им письмах затрагивается сюжет о болезни императора, а в последующих — упоминаются отдельные сведения о следствии по делу декабристов. Тем не менее именно с 27 ноября по 26 декабря ведется интенсивная переписка. Более поздние и более ранние послания направлялись в ритме, который соответствовал обычному ходу дел. В другие годы довольно редко можно встретить отправление корреспонденций с такой частотой.

Большинство посланий написано на испанском языке, но среди комплекта писем № 134–171 присутствуют как обычные депеши, так и зашифрованные послания. Письма с использованием шифра сопровождаются написанными другим почерком и на другой бумаге документами с содержанием секретных посланий. Некоторые депеши снабжены приложениями. Нередко Паес де ла Кадена направлял отдельные страницы или вырезки из *Journal de St.-Petersbourg* (франкоязычное издание российского Министерства иностранных дел) о последних событиях в России и Санкт-Петербурге. Кроме того, систематически испанский посланник прикладывал тексты официальных нот и сообщений (большинство из них за подписью К. В. Нессельроде) или иных общедоступных документов (текст присяги, траурный регламент) и т. п. Стоит обратить внимание на то, что, как правило, речь идет о небольших посланиях объемом 3–4 рукописных листа. Нельзя утверждать, что содержательно зашифрованные послания существенно отличаются от всех остальных: в депешах присутствуют рассказы о произошедших событиях, отдельные слухи и размышления дипломата. Речь скорее может идти о том, что сам дипломат воспринимал заслуживающим секретности.

Психологический портрет Паеса де ла Кадена несложно нарисовать по имеющимся биографическим сведениям. Автор писем — 52-летний мужчина, за плечами которого долгая карьера с самыми неожиданными поворотами. К тому же сложно говорить, что перед нами опытный дипломат: фактически карьера Паеса де ла Кадена в этой сфере началась именно с отправки в Россию в 1824 г. Е. Э. Юрчик подчеркивает, что речь идет о классическом *fernandino* — «благонамеренном и верноподданном слуге короля, чуждом политических крайностей»⁹. С такой оценкой вполне можно согласиться, отметив консервативность взглядов персонажа. В 1833 г. в Испании к власти приходит двухлетняя принцесса Изабелла, что ознаменовало начало первой карлистской войны — между новой королевой и ее дядей Доном Карлосом. Поступки Паеса де ла Кадена заставили Х. Фернандеса Санчеса определить его как сторонника Дона Карлоса, то есть более легитимного претендента на трон, по мнению многих участников событий¹⁰.

Обязательно стоит подчеркнуть, что нельзя переоценивать уровень адаптации испанского дипломата. В рассматриваемых письмах он систематически делает явные ошибки в написании фамилий, улиц, а также очевидно путается в титулах, званиях и наименованиях полков, поэтому периодически дублирует их названия на французском. Кроме того, часто в его сообщениях встречаются недочеты, ука-

⁸ Далее при обозначении дат отправки писем в тексте используется юлианский календарь, в библиографических описаниях — григорианский.

⁹ Юрчик Е. Э. Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паес де ла Кадена. С. 171.

¹⁰ Фернандес-Санчес Х. Испанский знакомый Пушкина. С. 128.

зываются на то, что сведения получены от вторых лиц и не являются наблюдениями очевидца. Показательна депеша № 135 от 27 ноября, в которой сообщается: «Императрица-мать, слабая и подавленная от боли, направилась этим утром с остальными членами семьи в церковь Александро-Невской лавры, где находятся мощи святого, дабы поклониться им и принять участие в службе, вознося горячие молитвы о спасении наиценнейшей жизни ее сына-императора... И в это время пришла страшная новость о его смерти»¹¹. А затем следует рассказ о присяге, совершенной по приказу Николая Павловича в той же церкви. В данном сообщении точно передан ход событий, но место действия указано ошибочно. Причем, оценивая этот момент, следует иметь в виду, что речь идет о сообщении, отправленном практически мгновенно: оно датируется 27 ноября, а сообщение о смерти Александра I пришло именно в тот день около 16 часов.

Итак, содержание писем о событиях междуцарствия можно представить следующим образом. 27 ноября испанский дипломат кратко сообщает в Мадрид о смерти Александра I и о присяге Константину Павловичу¹². Тогда же он отправляет более пространное описание петербургских событий, правда, как отмечено выше, место действия переносит в Александро-Невскую лавру¹³. 1 декабря он ожидает скорый приезд Константина¹⁴. 2 декабря отправляет развернутый комментарий происходящих событий и высказывается о возможных сценариях развития династического кризиса¹⁵. В письмах от 5 и 9 декабря пишет о возможном приезде Константина: эти письма наполнены неопределенностью¹⁶. 12 декабря высказывает уверенность, что в течение четырех или пяти дней станет известно, чем все закончится, ведь вот-вот должен приехать Михаил Павлович¹⁷. А ранним утром 14 декабря пишет о благополучной присяге Николаю Государственного совета, Сената и гвардейских полков — восстание еще не началось!¹⁸

Если говорить о том, что нового и необычного можно обнаружить в этих документах для истории междуцарствия, то сразу же следует подчеркнуть важный момент. С одной стороны, депеши практически не содержат новой фактологической информации. Описания событий, связанных с присягой Константину и ожиданием его отречения, схожи с имеющимися и основательно изученными источниками, но фокус внимания испанского дипломата был иным. Сравнительный анализ деталей в рассказах о происходящем в придворной среде очень точно указывает, что в большей степени волновало представителя иностранного государства, а какие моменты вызвали тревогу и/или заставляли задуматься российскую знать. Удивительно, но наиболее подробное описание первых дней междуцарствия в депеше № 138 тематически абсолютно совпадает с текстом «Записок» С. П. Трубецкого¹⁹.

¹¹ AHN. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 135 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.09). Fol. 3. — Здесь и далее перевод М. С. Белоусова.

¹² Ibid. Despacho no. 134 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.09).

¹³ Ibid. Despacho no. 135 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.09).

¹⁴ Ibid. Despacho no. 137 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.13).

¹⁵ Ibid. Despacho no. 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14).

¹⁶ Ibid. Despacho no. 140 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.17); Ibid. Despacho no. 142 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.21).

¹⁷ Ibid. Despacho no. 144 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.24).

¹⁸ Ibid. Despacho no. 149 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.26).

¹⁹ Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 66–69.

Оба автора обращаются к сюжету о принесении присяги в Государственном совете, сопротивлении Московского митрополита и солдат караула Зимнего дворца.

И если С. П. Трубецкой делает протагонистом событий 27 ноября М. А. Милорадовича, то Паес де ла Кадена указывает на Николая Павловича: «После того как в Государственном совете был вскрыт запечатанный пакет (о содержании которого сказано выше), состоялось короткое обсуждение, и в результате была направлена депутация к великому князю Николаю, чтобы сообщить ему содержание и пригласить обсудить распоряжения, касающиеся его выполнения. Великий князь их принял и послал генерала Милорадовича остановить Совет и заявить от его [Николая] имени, что он чрезвычайно далек от того, чтобы принять их предложение; что считает себя несоответствующем тому, что требуется для такой могущественной империи; и что он только что принес необходимую присягу своему старшему брату Константину как императору и просит сделать их тоже самое и уже отдал распоряжения об этом полкам, находящимся под его командованием»²⁰. Это сообщение было направлено 2 декабря. Испанский дипломат имел достаточно времени для того, чтобы собрать информацию о произошедшем. И Паес де ла Кадена на первый план выдвигает именно Николая: он принимает решения, он приказывает генерал-губернатору, он подталкивает Государственный совет к принятию присяги.

Обратим внимание, что, сравнивая послания Паеса де ла Кадена и «Записки» Трубецкого, мы сопоставляем разновременные источники: первые возникли в течение пяти дней, вторые спустя много лет. Через неделю (9 декабря) испанский дипломат выскажет более однозначную интерпретацию событий 27 ноября: «Но хладнокровно и справедливо в среде высших государственных служащих, большей части знати и высоких военных чинов верят и начинают заявлять, что его решение <...> дало начало этим трудностям, которые можно было тогда избежать»²¹. Очевидно, что продолжающийся политический кризис заставлял его постоянно мысленно возвращаться к этому моменту, чтобы вскрыть истинную причину наблюдаемых явлений. Усиливающаяся тревога от незнания ответа на вопрос, кто станет новым императором, заставила испанского посла назвать главным виновником междуцарствия великого князя Николая Павловича. Именно его присяга создала ситуацию неопределенности.

А спустя еще две недели голоса из среды знати и военных чинов можно было услышать в ходе допросов. 25 декабря С. П. Трубецкой на следствии заявит: «...говорил о слухах, что будто гвардию для присяги хотят вывести за город, также о другом слухе, что о вступлении на прародительский престол государя императора Николая Павловича будет объявлено войскам не чрез Манифест, а приказом»²². Через полтора месяца эту мысль повторит Г. С. Батеньков: «Разговаривая с Трубецким в другое время об образе объявления от Сената о вступлении на престол государя цесаревича [Константина], имел неблагоразумие сказать, что у нас легко сделать революцию: стоит объявить Сенату и послать печатные указы»²³. Оба декабриста

²⁰ АНН. Despacho no. 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 22.

²¹ Ibid. Despacho no. 142 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.21). Fol. 8.

²² Дело князя С. П. Трубецкого // Восстание декабристов. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 42. (Материалы по истории восстания декабристов).

²³ Дело Г. С. Батенькова // Восстание декабристов. Т. 14. М., 1976. С. 85. (Материалы по истории восстания декабристов).

будут апеллировать к Манифесту Сената, которым население извещалось о смерти Александра I и в котором прозвучало распоряжение о принесении присяги его преемнику Константину²⁴. Юридически опираясь именно на этот документ, Николай примет присягу и запустит политический кризис междуцарствия.

Таким образом, первое впечатление очевидцев событий было однозначным: именно Николай запутал династическую ситуацию. И только спустя много лет Трубецкой в «Записках» расставит акценты так, что будущему историку покажется, что это несчастный М. А. Милорадович принимал ключевые решения 27 ноября. Возникнет целая концепция о реализованном им незамеченном впоследствии дворцовом перевороте²⁵. Таким образом, мы подходим к вечной дилемме историков: каким источникам следует в большей степени доверять — возникающим в ходе самого процесса или мемуарным? Оставим сей вопрос без ответа, но отметим, что анализируемые депеши дают нам возможность реконструировать процесс осознания и рефлексии этого переломного события.

Стоит также обратить внимание на еще один эпизод, связанный с присягой Константину. С. П. Трубецкой сообщает: «Только внутренний караул во дворце, бывшей роты Его Величества гренадерского взвода л[ейб]-гвардии Преображенского полка, некоторое время колебался. Когда поставлен был налож в комнате, где был этот караул, и гренадеры узнали для чего, то головной вышел и изъявил от имени всех своих товарищей недоверчивость к справедливости известия и повторил несколько раз, что они никогда не слыхали, что государь был болен. Никто из генералов не мог их убедить, доколе Николай Павлович не объявил, что он сам присягнул новому императору Константину Павловичу. Тогда гренадеры согласились присягнуть»²⁶. Паес де ла Кадена приводит данный эпизод, используя эквивалентные выражения, но в отличие от Трубецкого пускается в длительные размышления о том, что если все-таки есть неудовольствие, но «нет ни одной внешней причины для беспокойства», так как любой инцидент (наподобие того, что было в Испании, Италии и Португалии) «не смог бы пошатнуть колоссальную власть и силу этой империи»²⁷. Мы видим в восприятии дипломата твердую ассоциативную взаимосвязь между двумя явлениями: незначительное солдатское неповиновение актуализирует в его сознании концепт южноевропейских революций.

Именно ассоциативные ряды, а также предчувствия и предположения о том, как могут развиваться события, дают нам возможность реконструировать априорные идеи и представления Паеса де ла Кадена. Кроме того, сообщения испанского дипломата полны различными слухами и тому подобной неформальной информацией, раскрывающей сюжеты, которые находятся в фокусе его внимания и составляют актуальную повестку. Изучение антиципаций и домыслов как априорных эпистемологических моментов помещает в центр нашего анализа не факты, а осознанные и неосознанные способы отражения информации о происходившем.

---

²⁴ Закон № 30592 от 27 ноября 1825 года «О кончине государя императора Александра Павловича и принятии присяги на верность подданства государю императору Константину Павловичу» // Полное собрание законов Российской империи. Т. 40. СПб., 1830. С. 616.

²⁵ Гордин Я. А. Мятяж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989.

²⁶ Трубецкой С. П. Записки. С. 67–68.

²⁷ ANN. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 29–30.

Отсюда рассматриваемый источник представляет особую ценность прежде всего с позиции истории идеологий и мировоззрений.

Обращаясь к этой проблематике, Н. Д. Потапова утверждала, что основными точками напряжения являлись перспектива войны с Грецией, вопрос о военных поселениях и в целом о военной реформе, а также ситуация с цензурой или, если брать шире, с гражданскими правами²⁸. Эта реконструкция выполнена по материалам зарубежной прессы и вызывает некоторые сомнения. Мы должны были бы предположить, что люди 1825 г. слепо верили и не менее слепо следовали за всем, что читали, чтобы согласиться с таким наблюдением. Безусловно, нельзя недооценивать фактор иностранной прессы в создании актуальной повестки, но думается, что более значимым источником формирования линий напряжения являются в первую очередь априорные представления о происходящем непосредственных участников событий, выраженные в слухах, предчувствиях и ассоциациях. Сравнение неосознанных элементов информационного поля по сообщениям испанского посланника, как нейтрального наблюдателя, и показаний декабристов более точно укажет нам на проблемы, которые вызывали наибольший интерес и создавали различные контуры солидарностей.

Стоит подчеркнуть, насколько гипертрофированно в рассматриваемых материалах представлен польский сюжет. 2 декабря Паес де ла Кадена пишет: «Если он [Константин] будет настаивать на отказе [от престола], мне не кажется, что он сможет прекратить удерживать как минимум царство Польское, которым уже столько лет счастливо правит; и как только он столь великодушно уступит свою империю, неотвратимым последствием этого может стать независимость этого царства, руководить которым он бы продолжил, будучи естественным образом с ним связан, и которое ему столь дорого; со времен раздела этого царства прошло еще не так много времени, патриотизм и независимый дух его жителей издревле известен и за короткое время мог бы воодушевить те провинции и земли, которые входили в него до его расчленения и которые желают снова объединиться под властью того же самого правителя»²⁹. Этот фрагмент, в оригинале написанный с использованием довольно запутанной конструкции «no parece que podra dejar de conservar a lo menos el Gobierno del Reyno de Polonia», мы переводим как «мне не кажется, что он сможет прекратить удерживать как минимум царство Польское». Если предлагать более литературный вариант, то получится «он сможет сохранить за собой как минимум царство Польское».

Подобные идеи звучали на следствии. А. Бестужев утверждал: «Все стихло, как вдруг стали носиться слухи, что он [Константин Павлович] отказывается; что Польша с Литвой отойдет от России, дабы не обделить экс-императора...»³⁰ С. Б. Окунь приводил похожую цитату из записок Н. Веригина: «...глухо молва и на разные лады начала шептать, что цесаревич Константин Павлович не принимает короны российской империи, а, уступая все наследие своему брату Николаю, желает

²⁸ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017.

²⁹ AN. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 27.

³⁰ Дело А. А. Бестужева // Восстание декабристов. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 436. (Материалы по истории восстания декабристов).

быть королем Польши»³¹. Не вызывает сомнений, что для современников междуцарствия сама возможность отделения Польши во главе с Константином казалась вполне реальной. В сообщении испанского посла обращает на себя внимание еще один момент. Раздел Речи Посполитой он артикулирует как расчленение (*desmembramiento*), используя термин с ярко выраженными отрицательными коннотациями. В скобках отметим, что и в XVIII в., и сейчас применительно к разделам Польши используется более нейтральный — *partición*. Патриотизм и стремление к независимости обозначены как близкие характеристики одного явления, а стремление поляков к независимости у Паеса де ла Кадена не вызывает сомнений. Подобные высказывания очень близки риторике французских газет 1820-х гг.

В другой статье мы показали, что дискурс по польско-литовской проблематике в России сложился в результате существенного влияния французской прессы³². Первоначально Александр I был репрезентирован журналистами как царь-освободитель и польский национальный правитель, действующий в интересах своих новых подданных. Уверенность в полонофилии императора породила контрдискурс в российском обществе, в рамках которого культивировалось негодование позицией Александра I. В 1820-е гг. артикуляции сменились, и прежние либералы вслед за французской прессой стали воспринимать Польшу угнетенной и стремящейся к свободе, а их противниками отрицалась сама возможность существования польского независимого государства. Причем линии формирования солидарностей были таковы, что как в придворной среде, так и в движении декабристов имелись сторонники обеих точек зрения.

Этот раскол стал еще отчетливее виден в период политического кризиса. Отметим, практически каждое предположение о разрешении династической ситуации испанский посланник соединял с рассуждениями о Польше. В частности, в письме № 144 от 12 декабря встречаем такой пассаж: в течение четырех-пяти дней вернется великий князь Михаил или Опочинин и тогда «будет известно, настаивает ли снова Константин на отказе [от престола], в таком случае будет необходим соответствующий манифест; или он, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, согласится [принять престол] и тогда подтвердит своей приезд, в таком случае будет очень вероятно, что его любимый брат великий князь Михаил наследует его полномочия в Царстве Польском»³³. Подобный сценарий развития возникших обстоятельств также казался вполне вероятным, но для нас важно подчеркнуть еще раз гипертрофированный интерес к будущему Польши в период междуцарствия.

Похожую картину мы можем наблюдать в показаниях декабристов. Вопреки утверждению М. М. Сафонова, что «из рассмотрения следствия были исключены все сюжеты, касающиеся польской политики»³⁴, мы находим немало обращений к данной теме в материалах допросов. Высказанные слухи, предчувствия и антиципации дают нам возможность оценить масштабы напряжения. Так, К. Ф. Рылеев

³¹ Окунь С. Б. История СССР. 1796–1825. Л., 1947. С. 451.

³² Belousov M. S., Belousov A. S. The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, вып. 4. С. 1195–1212.

³³ AN. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 144 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.24). Fol. 4–5.

³⁴ Сафонов М. М. Процесс по делу декабристов как показатель консолидации российской элиты // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 1 (13). С. 107.

в своих показаниях сообщал, что «положено было выйти на площадь и требовать Константина Павловича как императора, которому уже присягали, или, по крайней мере, его приезда в Петербург, полагая по разным слухам, что его задержали поляки»³⁵. Другая очень типичная точка зрения была высказана А. М. Булатовым: «Большая часть народа желала в то время царствующего Константина; боялись только одного, что он окружен будет поляками»³⁶. И при этом образ Константина устойчиво сочетался с представлением о реформах наподобие польских: сокращение службы и увеличение жалованья («во многих полках говорили люди, что жалование в Варшаве дается серебром, что им и здесь верно прибавлено будет и что года два, конечно, службы убавят»³⁷). Одним словом, Константин олицетворял перемены и европеизацию, а Польша представляла собой типовую модель ожидаемых преобразований.

Перемен жаждали все слои общества. Характер ожиданий в народной и солдатской среде можно проследить, опираясь на материалы, собранные К. В. Кудряшовым³⁸. Мы обнаруживаем эквивалентную картину: множество домыслов о военной реформе, но польский сюжет практически не затрагивается. Это дает нам основания для выводов о том, что данная тематика была на повестке исключительно образованных и вовлеченных в политику сословий. Необходимость перемен в армии (соглашаемся с Н. Д. Потаповой) по польскому образцу, а не в связи с греческой кампанией (оспариваем ее тезис) составляла главный нерв политического напряжения российского общества в период междуцарствия. Петербургские декабристы практически не говорят на следствии о кризисе восточного вопроса. Паес де ла Кадена затрагивает данную проблему лишь однажды в контексте «маленькой победоносной войны»: начини Александр I конфликт, «отвлек бы свою армию от возможного восстания»³⁹. Но, к сожалению или к счастью, в истории не бывает сослагательного наклонения — Россия увидела то, что получило в американской историографии название «first Russian revolution»⁴⁰.

Утром 14 декабря испанский дипломат сообщает о том, что Государственный совет, Сенат и гвардия благополучно принесли присягу⁴¹ — восстание еще не началось. 15 декабря он отправляет подробный десятистраничный отчет, не усматривая чего-то секретного в направляемой информации — депеша не зашифрована. Это послание содержит подробный рассказ о событиях 14 декабря. Отметим можно разве что любопытный момент: «батальон гренадеров был отправлен, чтобы привести к порядку, но, к несчастью, большинство из них, столкнувшись в лобовую с восставшими, перешло на их сторону»⁴². 15 декабря Паес де ла Кадена видится

³⁵ Дело К. Ф. Рылеева // Восстание декабристов. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 151. (Материалы по истории восстания декабристов).

³⁶ Дело А. М. Булатова // Восстание декабристов. Т. 18. М., 1984. С. 292. (Материалы по истории восстания декабристов).

³⁷ Дело князя С. П. Трубецкого // Восстание декабристов. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 18. (Материалы по истории восстания декабристов).

³⁸ Кудряшов К. В. Народная молва о декабрьских событиях 1825 года // Бунт декабристов. Юбилейный сборник 1825–1925 / отв. ред. Ю. Г. Оксман и П. Е. Щеголев. Л., 1926. С. 311–323.

³⁹ ANH. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 171 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1826.01.22). Fol. 8.

⁴⁰ Mazour A. G. First Russian revolution 1825. The Decembrist movement. Its origins, development and significance. Stanford, California, 1937.

⁴¹ ANH. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 149 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.26). Fol. 5.

⁴² Ibid. Despacho no. 150 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.27). Fol. 5.

с Нессельроде и немедленно пересылает в Мадрид официальную ноту⁴³ и отчет о встрече⁴⁴. 19 декабря он подробно сообщает об идущих арестах⁴⁵, а 23 декабря — о приеме новым императором представителей иностранных дипломатов⁴⁶. 25 декабря направлено известие о привлечении к следствию Орлова и Лопухина и других крупных сановников⁴⁷; а 9 января — про восстание на юге и роль Сергея Муравьева-Апостола⁴⁸.

Познакомившись с этим документами, Е. Э. Юрчик отметила, что Паес де ла Кадена «рассматривал мятеж не столько как результат пагубного иностранного влияния (как настаивал Нессельроде в своем рескрипте), сколько как общеевропейское явление»⁴⁹. Представляется, что подобная оценка не имеет под собой оснований. За исключением самого первого сообщения о восстании, в котором представлен обычный пересказ событий, все депеши, содержащие какие-либо оценочные суждения, отличаются ссылками на Нессельроде, или на официальные ноты, или на содержание *Journal de St.-Petersbourg*. Сложно утверждать, что испанский дипломат высказывал независимую точку зрения. Его мнение о событии формировалось под существенным влиянием российского МИДа. И в этом заключается основная ценность этого источника: он дает возможность взглянуть на первоначальную реакцию российской власти на событие. Следствие только-только началось, выводы еще не сформулированы — на передний план выступают априорные, фактически подсознательные оценки.

И самой первой реакцией на восстание стало мнение о том, что Россия оказалась жертвой всеевропейского заговора тайных обществ. Как отмечается в классической работе Дж. Робертса, в начале 1820-х эта мифологема начинает завоевывать умы европейских консерваторов⁵⁰. Огромную роль в ее распространении в правящих кругах сыграла череда южноевропейских революций⁵¹. В отечественной литературе многократно обсуждался вопрос о влиянии К. Меттерниха на мировоззрение российского императора⁵². Основные положения концепции были сформулированы в его меморандуме «Кредо»: 1) существует сеть тайных обществ с центром в Париже; 2) эти «секты» состоят из представителей «средних классов» — «служащих, писателей и журналистов, адвокатов и преподавателей»⁵³. По мнению Т. В. Андреевой, опыт Семеновской истории убедил как Александра I, так и его оппонентов, в наличии еще одной черты — вовлечении в движение солдат

⁴³ Ibid. Despacho no. 151 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.27).

⁴⁴ Ibid. Despacho no. 153 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.28).

⁴⁵ Ibid. Despacho no. 155 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.31). Fol. 9.

⁴⁶ Ibid. Despacho no. 157 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1826.01.04).

⁴⁷ Ibid. Despacho no. 161 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1826.01.06). Fol. 3–4.

⁴⁸ Ibid. Despacho no. 168 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1826.01.21). Fol. 4–5.

⁴⁹ Юрчик Е. Э. Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паэс де ла Кадена. С. 173.

⁵⁰ Roberts J. M. *The Mythology of Secret Societies*. New York, 1972.

⁵¹ Marion S., Miller A. "Liberal International"? Perspectives on Comparative Approaches to the Revolutions in Spain, Italy, and Greece in the 1820s // *Mediterranean Studies*. Vol. 2: Greece & the Mediterranean. 1990. P. 61–67.

⁵² Анализ историографии см.: Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX века: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 487–488.

⁵³ Рахмиров П. Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005. С. 198–200.

обманом⁵⁴. Н. Д. Потапова показала, что череда покушений и их освещение в европейской прессе способствовали распространению еще одного мифа: цареубийство стало восприниматься как неотъемлемый момент реализации заговора⁵⁵.

Мифологема всевропейского заговора тайных обществ входит в правительственный дискурс в начале 1820-х, и, безусловно, данная концепция не оставалась статичной. Новые артикуляции приводили к трансформации ее составных частей. Депеши Паеса де ла Кадена дают возможность увидеть итог этой эволюции. Таким образом, анализируя рассматриваемый комплекс документов, мы можем дополнить и более точно прорисовать процесс генезиса одного из важнейших аспектов правительственной идеологии. Не приходится сомневаться, что в Петербурге произошло что-то похожее на южноевропейские события. Этот образ повторяется многократно. Испанский посланник пишет: «Они, потеряв голову от своей порочности и гордыни, в честолюбивом рвении к почестям (гибельные остатки революции, которая опустошает оба Света) старались разрушить существующий порядок, но, увидев, что их усилия не увенчались успехом ни в нашей Испании, ни в Португалии, ни в Неаполе и Пьемонте, они обратили свои взоры и усилия на эту могущественную империю, уверенные в том, что если они смогут разделить ее на части, ослабить ее и уничтожить ее влияние, тогда их победа будет повсеместной»⁵⁶.

Однако анализ комплекса сообщений Паеса де ла Кадена дает нам возможность увидеть, что сформулированные выше основные положения трансформируются и применительно к российской действительности артикулируются иначе. Итак, депешей № 153 он сообщает: «Расследование гибельных происшествий вчерашнего дня начинает раскрывать вещи достаточно чувствительные, причем известные до смерти прежнего императора. Кажется, что была предпринята попытка вовлечь солдат, развязать гражданскую войну и создать смятение. И хотя все еще неизвестны многие ключевые преступники, но уже бесспорно участие польских военных и некоторых представителей знати, которые стремились сбить с толку солдат; среди них выделяются прежде всего, и они уже арестованы, — князь Бестужев, князь Оболенский, князь Щепин-Ростовский и князь Трубецкой, полковник главного штаба, женатый на дочери графа Лавалья, тесть графа Лебцельтерна австрийского посланника...»⁵⁷

Как видим, в сообщении представлены все основные элементы мифологемы всевропейского заговора. Тем не менее в первую очередь бросаются в глаза слова о польских офицерах. Е. Э. Юрчик интерпретировала этот момент достаточно просто: Паес де ла Кадена повторил текст ноты Нессельроде⁵⁸. Но нота, в которой представлен данный тезис, была разослана только 17 декабря⁵⁹, в переписке она передается в депеше от 19 декабря, а мы рассматриваем депешу от 16 декабря. Здесь

⁵⁴ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX века: Правительственная политика и общественное мнение. С. 503–504.

⁵⁵ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов: политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. С. 307–330.

⁵⁶ AN. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 171 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1826.01.22). Fol. 7.

⁵⁷ AN. Despacho no. 153 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.28). Fol. 9.

⁵⁸ Юрчик Е. Э. Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паэс де ла Кадена. С. 172.

⁵⁹ Искюль С. Н. 14 декабря 1825 г. и деятельность МИД // Философский век. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. Вып. 6. СПб., 1998. С. 251–260.

же дальше читаем: «Арестованы многие их соотечественники, например Горский, тоже поляк, и многие другие младшие офицеры общим числом около 70 человек»⁶⁰. А на следующем листе: «Во время моего вчерашнего разговора с графом Нессельроде, выражая мое удивление по поводу князя Трубецкого, получил в ответ, что, к сожалению, верно, что он очень скомпрометирован и что здесь, как и во всех других местах, множество лиц при дворе, прежде всего из расформированных частей, и поляков, зараженных революционной лихорадкой»⁶¹.

Рассматриваемые фрагменты четко указывают, что интерпретация событий сформировалась в результате беседы с Нессельроде. На основании содержания разговора можно заключить, что 15–16 декабря исполнителями заговора власть определяла представителей знати, офицеров расформированных частей и поляков. Выше уже отмечалось, что идея о поляках прозвучит и в официальной ноте. Потом она не раз повторится. Самого императора она будет тревожить еще по крайней мере в течение нескольких недель в контексте возможных «разветвлений за границей и особенно потому, что все здесь происходящее, по-видимому, только следствие или скорее плоды иностранных влияний»⁶². Риторика о поляках на некоторое время станет присутствовать в дискурсе мятежа. В качестве примера можно привести письма Александра Тургенева: «Не следовало ли набросить покрывало и на истинных преступников русских и поляков...»⁶³

Тем не менее стоит подчеркнуть, что к моменту встречи Нессельроде с Паесом де ла Кадена уже было арестовано 56 человек, 18 из них впоследствии будут признаны непричастными⁶⁴. И среди первых 38 будущих государственных преступников не было ни одного поляка, на первых допросах не было названо ни одной польской фамилии. О существовании тайного общества в Польше станет известно только в начале января⁶⁵. Данный сюжет достаточно быстро исчезнет из правительственной риторики. Уже в донесении следственной комиссии речь пойдет исключительно о тех, кого в современной историографии принято считать декабристами⁶⁶. Не упоминается польский след в работе барона Корфа⁶⁷. Само по себе появление поляков в качестве ключевых преступников в первых правительственных артикуляциях можно объяснить исключительной ролью, которую данный вопрос играл в доминирующем дискурсе. Таким образом, мы можем утверждать, что к концу 1825 г. мифологема о всеевропейском заговоре была неразрывно связана с опасениями о возможном польском мятеже. «Неназванный круг польских революционеров» выполнял функцию парижских или мадридских клубов в сознании представителей правительственного лагеря.

⁶⁰ ANN. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 153 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.28). Fol. 10–11.

⁶¹ Ibid. Fol. 12.

⁶² Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / подгот. к печати Б. Е. Сыроечковского. М.; Л., 1926. С. 174–175.

⁶³ Цит. по: Шильбер Н. К. Император Николай Первый: его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 334.

⁶⁴ Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами. М., 1988.

⁶⁵ Там же. С. 114.

⁶⁶ Всеподданнейший доклад высочайше учрежденной Следственной комиссии от 30 мая 1826 г. // Восстание декабристов. Т. 17. М., 1980. С. 24–62. (Материалы по истории восстания декабристов).

⁶⁷ Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857.

В рассматриваемой депеше испанского посланника (№ 153 от 16 декабря) стоит обратить внимание на сделанный акцент в отношении представителей знати. Паес де ла Кадена перечисляет фамилии, указывая титулы. При этом ошибочно называет Бестужева князем⁶⁸. В январе 1826 г. в очередном сообщении утверждается: «До сих пор не открыты связи с иностранными странами, но хочу Вас заверить, что были использованы существенные суммы на эту отвратительную цель князем Бобринским и другими знатными русскими»⁶⁹. Здесь, видимо, речь идет о Василии Алексеевиче Бобринском. Его фамилия упоминается на первом же заседании Следственного комитета⁷⁰. Он был представителем достаточно богатого рода, в период восстания находился за рубежом, присутствовал в доносах на Южное общество — все необходимые компоненты, чтобы нарисовать картину богатого аристократа, финансирующего мятеж на Родине из-за границы. Испанский посланник услышал известную фамилию и немедленно сообщил в Мадрид. Масштаб страха перед угрозой общеевропейской революционной конспирации становится понятен, если пояснить, что речь идет о 22-летнем отставном корнете, не являвшемся основным наследником колоссального состояния⁷¹.

25 декабря Паес де ла Кадена пишет о продолжающихся арестах. Под подозрением оказывается князь Лопухин, сын председателя Государственного совета; доставлен генерал Михаил Орлов; говорят об аресте генерал-майора Уварова; графа Сергея Строганова ожидает та же участь⁷². Спустя три недели испанский посол сообщает, что Лопухин отпущен и оставлен на свободе в доме своего отца, также допрошен князь Меншиков, остаются подозрения в отношении Михаила Орлова, который продолжает находиться в крепости⁷³. Среди арестованных присутствуют и представители его круга, что вызывает у Паеса де ла Кадена неподдельное беспокойство, хотя пример с Василием Бобринским показывает, что в большинстве своем он сообщает о лицах малознакомых. Таким образом, участие крупной титулованной аристократии в мятеже напрямую или опосредованно — одно из ключевых утверждений Паеса де ла Кадена.

Знакомство с цитируемыми архивными документами привело Е. Э. Юрчик к выводу о том, что «испанский посланник долго не мог освоиться с мыслью, что руководителями восстания и участниками тайных обществ были люди благородного происхождения»⁷⁴. На подобную реплику можно возразить, что первоначально тезис о существенной роли титулованной знати возник в разговоре с Нессельроде. Другой достаточно осведомленный иностранный современник высказывал похожую оценку. А. Ю. Андреев, анализируя переписку Ф.-Ц. Лагарпа с Константином Павловичем, пришел к выводу, что первый видел в событиях 14 декабря «зло-

---

⁶⁸ Поскольку на испанский язык слово «князь» традиционно переводится как *príncipe*, то возникает многозначительная игра слов — «восстание принципов».

⁶⁹ Despacho no. 171 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1826.01.22). Fol. 6.

⁷⁰ Журналы Следственного комитета // Восстание декабристов. Т. 16. М., 1986. С. 27. (Материалы по истории восстания декабристов).

⁷¹ Декабристы. Биографический справочник / под ред. М. В. Нечкиной. М., 1988. С. 24.

⁷² АНН. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 161 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1826.01.06). Fol. 3–4.

⁷³ Ibid. Despacho no. 171 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1826.01.22). Fol. 4.

⁷⁴ Юрчик Е. Э. Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паэс де ла Кадена. С. 173.

дейский умысел вечно беспокойного дворянства», «буйную дворянскую фронду»⁷⁵. Общение с представителями правящих кругов, наблюдение за работой следствия подводило к этому вполне очевидному выводу, который органически встраивался в концепт о всеевропейском заговоре тайных обществ. Таким образом, дворянство заняло место служащих, писателей и журналистов, адвокатов и преподавателей в примененной к российским реалиям мифологеме. Остается только заметить, что первыми с необходимостью заменить средний класс на представителей аристократии в концепции события столкнулись вовсе не советские историки.

Еще одной классической чертой мятежа, организованного в результате деятельности всеевропейского заговора, является вовлечение в восстание солдат обманом. Паес де ла Кадена не преминул об этом рассказать. Язык этих сообщений раскрывает любопытную ассоциативную взаимосвязь: «Часть другого полка, называемого Гвардейский экипаж, внезапно пришла в беспорядок и присоединилась к мятежникам»⁷⁶. А за 16 декабря есть такое сообщение: «К счастью, все, кажется, к нынешнему моменту уже закончилось, солдаты покорны и раскаиваются; подстрекатели зачинщиков точно будут найдены; кажется, что корни революционной гидры доросли лишь досюда...»⁷⁷ Таким образом, мы видим четкую логическую конструкцию между понятиями: всеевропейский заговор — возмущение солдат — беспорядок. И обратная ситуация: заговор подавлен — полки приведены в порядок — спокойствие.

Для испанского дипломата с первых же наблюдений за произошедшим в Петербурге было очевидно, что солдаты были вовлечены хитростью. 19 декабря он утверждает: «...вне всякого сомнения, что этот проект имел ответвления за границей, в него вложено много денег, в том числе в эти последние дни, чтобы соблазнить обманом и именем Константина солдат»⁷⁸. А если они жертвы лжи, значит невиновны, поэтому заслуживают скорейшего прощения. В депеше № 154 Паес де ла Кадена пишет про массовые раскаяния солдат и полученное ими великодушное помилование⁷⁹. Данный тезис мы многократно встречаем в правительственной риторике: «...два рода людей составляли сие скопище: одни — заблудшие, умыслу не причастные, другие — злоумышленники и их руководители»⁸⁰. Здесь прослеживаются те же самые логические элементы: руководящий центр («их руководители»), исполнители («злоумышленники») и вовлеченные ими солдаты («зablудшие»).

Обратим внимание на еще один интереснейший эпизод из депеш. «План, кажется, должен был созреть к 12 марта, к торжеству в связи с 25-летней годовщиной восшествия на престол Александра; но в связи с его неожиданной смертью задумали вскоре исполнить в день появления в столице тела [императора] и его похорон,

⁷⁵ К сожалению, это интереснейшее выступление так и не было опубликовано. Данный тезис представлен в обзоре конференции (см.: *Андреева Т. В., Ильин П. В., Белоусов М. С., Иванова Т. А., Кузнецова С. Д., Паршина А. В., Смирнов А. О.* Историческая память России и декабристы. 1825–2015 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2016. № 2. С. 168–181). Материалы переписки Ф.-Ц. Лагарпа изданы: Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы: в 3 т. Т. 3: 1815–1832. М., 2017.

⁷⁶ ANH. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 150 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.27). Fol. 3.

⁷⁷ Ibid. Despacho no. 153 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.28). Fol. 12.

⁷⁸ Ibid. Despacho no. 155 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.31). Fol. 9.

⁷⁹ Ibid. Despacho no. 154 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.28). Fol. 3.

⁸⁰ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: его жизнь и царствование: в 2 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 330.

когда вся императорская фамилия и [ключевые представители] власти оказались бы вместе под ружьем вовлеченных в заговор войск. Какой ужас осквернить подобным образом труп и трогательнейшую церемонию!»⁸¹ Данная репрезентация поражает своей нереализуемостью, искусственностью и наигранностью. При этом отметим, что в литературе не раз подчеркивалось, что любое физическое насилие по отношению к представителям правящей династии принимало театральную форму. В. С. Парсамов, рассматривая в целом место царубийства в политической практике декабристов, указал на наличие «стремления к римскому колориту»⁸². М. П. Одесский и Д. М. Фельдман описали бытование различных сценариев покушения⁸³. Н. Д. Потапова продемонстрировала развитие мифа о царубийстве⁸⁴.

Стоит ли данный эпизод анализировать именно в рамках проблематики покушения? Здесь речь идет о возможном насилии по отношению ко всей императорской семье и высшим властям, то есть террор по отношению к конкретной личности замещается образом угрозы для всей правящей верхушки. Сообщение удивительно точно повторяет лейтмотив показаний декабристов. Из 13 человек, находившихся в декабре 1825 г. в столице, а затем осужденных вне разрядов и по первому из них, только Панов и Сутгоф ни разу не упоминают какой-либо сюжет, связанный с воздействием на семью в целом. Показания о покушении исключительно на Николая значительно уступают по частоте присутствия их в следственных делах.

В депешах от 9 и 10 января Паес де ла Кадена сообщает о восстании на юге: «К несчастью, смерть, которую мы оплакиваем, спровоцировала скандальные события здесь 26-го и их повторение в Киеве Черниговским полком, вовлеченным в мятеж офицером Муравьевым-Апостолом, сыном того, кто был послом при этом дворе»⁸⁵. События интерпретируются как продолжение восстания в Петербурге. Мозаика окончательно складывается: наряду с заговором в столице, присутствовала мощная организация на периферии. Таким образом, модель испанского пруненсиамента получает еще один пример реализации. Подобный конструкт закрепится в нашей историографии: восстание под руководством Муравьева-Апостола — революция наподобие испанской⁸⁶.

Подведем основные итоги статьи. Рассматриваемый комплект депеш испанского посла Хуана Мигеля Паес де ла Кадена является важным и уникальным источником по истории междуцарствия и восстания декабристов. Анализ этих документов дает нам возможность дополнить наши представления об идеологии и мировоззрении людей 1825 г., как декабристов, так и представителей правительственного лагеря. Подобный анализ позволяет показать важность польского вопроса как одной из ключевых точек напряжения в российском обществе в тот момент, а также исследовать характер трансформации мифологемы о всеевропейском за-

⁸¹ АНН. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 155 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.31). Fol. 9.

⁸² Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001. С. 165.

⁸³ Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. М., 2012. С. 89–108.

⁸⁴ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов: политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. С. 307–330.

⁸⁵ АНН. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 168 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1826.01.21). Fol. 4–5; Ibid. Despacho no. 171 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1826.01.22). Fol. 5.

⁸⁶ Нечкина М. В. Революция наподобие испанской (О тактике Южного общества декабристов) // Каторга и ссылка. М., 1931. № 10. С. 3–40.

говоре тайных обществ в российских условиях. Мы видим, что по сравнению со сформулированными Меттернихом положениями в риторике Николая и Нессельроде присутствуют близкие, но несколько иные положения. Главной угрозой воспринимаются польские общества и аристократическая фронда. Именно они представляются реальными организаторами мятежа, в который обманом вовлекли солдат, предполагая совершить насильственные действия в отношении царской семьи и посеять анархию и безначалие в Российской империи.

References

- Alekseev M. P. Essay on the history of Russian-Spanish literary relations. *Alekseev M. P. Russkaia kul'tura i romanskii mir*. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 5–272. (In Russian)
- Andreeva T. V. *Secret Societies in Russia in the First Third of the 19th Century: Government Policy and Public Opinion*. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2009, 653 p. (In Russian)
- Andreeva T. V., Il'in P. V., Belousov M. S., Ivanova T. A., Kuznetsova S. D., Parshina A. V., Smirnov A. O. Russian Historical Memory and the Decembrists. 1825–2015. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 2. History*, 2016, no. 2, pp. 168–181. (In Russian)
- Belousov M. S., Belousov A. S. The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 4, pp. 1195–1212.
- Goncharova T. N. *Between Paris and St. Petersburg. Embassy of France in Russia (1814–1848)*. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKHG Publ., 2017, 318 p. (In Russian)
- Gordin Ya. A. *Rebel Rebellion: December 14, 1825*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, 400 p. (In Russian)
- Fedorov V. A. "We are proud of our fate...": *The investigation and trial of the Decembrists*. Moscow, Mysl' Publ., 1988, 298 p. (In Russian)
- Fernandes-Sanches Kh. Spanish acquaintance of Pushkin. *Vremennik Pushkinskoi komissii*. Iss. 24. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 128–129. (In Russian)
- Iskiul' S. N. December 14, 1825 and the activities of the Ministry of Foreign Affairs. *Filosofskii vek. Rossiia v nikolaevskoe vremia: nauka, politika, prosveshchenie*. Iss. 6. St. Petersburg, IIET RAN Publ., 1998, pp. 251–260. (In Russian)
- Kagane L. L. Cabinet of paintings by Juan Miguel Paez de la Cadena, Spanish envoy in St. Petersburg. *Iz istorii mirovogo iskusstva i kul'tury*. St. Petersburg, Sad iskusstv Publ., 2003, pp. 495–553. (In Russian)
- Korf M. A. *The accession to the throne of Emperor Nicholas I*. St. Petersburg, Publ. II-go Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imp. Vel. Kantseliarii, 1857, 250 p. (In Russian)
- Kudriashov K. V. Folk rumors about the December events of 1825. *Bunt dekabristov. Iubileinyi sbornik 1825–1925*. Eds by Yu. G. Oksman, P. E. Shchegolev. Leningrad, Byloe Publ., 1926, pp. 311–323. (In Russian)
- Marion S., Miller A. "Liberal International"? Perspectives on Comparative Approaches to the Revolutions in Spain, Italy, and Greece in the 1820s. *Mediterranean Studies*. Vol. 2: Greece & The Mediterranean. 1990, pp. 61–67.
- Mazour A. G. *First Russian revolution 1825. The Decembrist movement. Its origins, development and significance*. Stanford, Stanford University Press, 1937, 342 p.
- Nechkina M. V. Revolution like the Spanish (On the tactics of the Southern Society of the Decembrists). *Katorga i ssylka*. Moscow, 1931, no. 10, pp. 3–40. (In Russian)
- Nevelev G. *Decembrist context. Documents and descriptions*. St. Petersburg, Mir Publ., 2012, 768 p. (In Russian)
- Nikolai Mikhailovich, vel. kn. *Emperor Alexander I: The Experience of Historical Research*. In 2 vol. Vol. 2. St. Petersburg, Entsiklopediia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1912, 745 p. (In Russian)
- Okun' S. B. *History of the USSR. 1796–1825*. Leningrad, Publishing House of Leningrad State University, 1947, 492 p. (In Russian)
- Odesskii M. P., Feldman D. M. *The poetics of power. Fight against tyrant. Revolution. Terror*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, 263 p. (In Russian)
- Parsamov V. S. *Decembrists and French liberalism*. Moscow, Polimed Publ., 2001, 240 p. (In Russian)
- Potapova N. D. *Speaking from their Cells: Discourse and Political Strategies of the Decembrists*. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press, 2017, 416 p. (In Russian)

- Rakhshmir P. Yu. *Prince Metternich: Man and Politician*. Perm', Kommersant Publ., 2005. 405 p. (In Russian)
- Roberts J. M. *The Mythology of Secret Societies*. New York, Charles Scribner's Sons, 1972, 370 p.
- Safonov M. M. Decembrists trial as an indicator of consolidation of the Russian elite. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal: issledovaniia po rossiiskoi i vseobshchei istorii*, 2017, no. 1 (13), pp. 106–125. (In Russian)
- Skrynnikov R. G. *Duel of Pushkin*. St. Petersburg, Rus.-Balt. inform. tsentr BLITs Publ., 1999, 493 p. (In Russian)
- Shil'der N. K. *Emperor Nicholas the First: his life and reign*. Vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia A. S. Suvorina, 1903, 902 p. (In Russian)
- Yurchik E. E. Decembrists and the Spanish Revolution of 1820. *Ispaniia i Rossiia: diplomatiia i dialog kul'tur. Tri stoletiiia otnoshenii = España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones*. Ed. by O. V. Volosiuk. Moscow, Indrik Publ., 2018, pp. 160–162. (In Russian)
- Yurchik E. E. Witness to the Decembrist uprising: Spanish envoy Juan Miguel Paez de la Cadena. *Ispaniia i Rossiia: diplomatiia i dialog kul'tur. Tri stoletiiia otnoshenii = España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones*. Ed. by O. V. Volosiuk. Moscow, Indrik Publ., 2018, pp. 169–174. (In Russian)
- Vyskochkov L. V. *Weekdays and holidays of the Imperial Court*. St. Petersburg, Piter Publ., 2012, 496 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2019 г.
Рекомендована в печать 12 марта 2020 г.
Received: November 20, 2019
Accepted: March 12, 2020